

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Орган ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С 1 ИЮЛЯ 1956 ГОДА

◆ № 140 [9391] ◆

Среда, 17 июня 1987 г.

◆ Цена 4 коп. ◆

Полемические заметки о проблемах журнальной прозы

ПОД СЕМЕЙНЫМ АБАЖУРОМ

В редакционной почте немало писем, в которых авторы выражают свое отношение не только к публикациям газеты, но и делятся своими раздумьями о новых книгах, выходящих в последнее время, о журнальных публикациях, вызвавших особенный читательский интерес. Люди размышляют о романе Можая «Мужики и бабы», романе Лиханосова, напечатанном в журнале «Дон», последних романах А. Бека, Ю. Трифонова, А. Дудинцева, И. Анулова. Среди них есть письма, посвященные и новой повести Даниила Гранина «Зубр». «Как хорошо, — пишет Игорь Малухин, офицер из Новосибирска, — что в нашей литературе появился такой непростой образ ученого — яркого, заражающего своим талантом. Но повесть Д. Гранина вызывает у меня немало вопросов...» «Книжки Д. Гранина, — вторит ему учительница из Мо-

свы Э. Чешля, — мне очень нравятся. Я хорошо помню и люблю его романы «Иснатели», «Иду на грозу». В них подкупает неподдельный интерес писателя к проблемам становления нашей отечественной науки, ее борьбы с косностью, творческим бессилием, интеллектуальной глухотой. Последняя книга Д. Гранина «Зубр» — снова обращение к хорошо известной писателю и любимой им теме. Страстно написанная мастером, она вызывает непростые раздумья о судьбах нашей науки, об отдельных личностях в ней, об общественной жизни в период становления советской науки».

Думается, публикуемые ныне полемические заметки литературного критика Александра КАЗИНЦЕВА отвечают на некоторые вопросы, прозвучавшие в письмах наших читателей.

Такой лавины романов и повестей о недавнем прошлом, как ныне, наша периодика еще не знала. Назову лишь самые заметные публикации этого года — романы А. Рыбакова, Г. Калинин и Ю. Сергеева, Д. Балашова, Г. Коновалова, В. Пикуля, посвященные событиям российской истории.

Не стоит удивляться, а тем более сетовать — мол, вся страна обсуждает планы, устремленные в будущее, а писатели заняты вчерашним днем.

Интерес к истории в моменты решительных поворотов в народной судьбе естествен, плодотворен. К страницам истории — героическим и трагическим — литература обращается и во имя сегодняшнего дня. Об этом справедливо напомнил В. Дудинцев в своем недавнем интервью. Та же мысль призывает и его роман «Белые одежды» («Нева» №№ 1-4, 1987). Развернувшееся на страницах романа противостояние науки и чудовищного гибрида лженауки и бюрократии, добра и зла, стойкости и подлости имело целью не достижение сиюминутного торжества. Подлинные ученые отстаивали и достоинство, и любовь, и свое право на жизнь. Но защищали они и ценность, для них наиболее значительную, — завтрашний день науки. Они думали о грядущем торжестве истины, свидетелями которого доводится стать нам. Мы призваны помнить о судьбах ученых, ибо только тогда можно исключить вероятность повторения ошибок, которые оплачены дорогой ценой. Но, оглядываясь на прошлое, мы должны быть зоркими. Все возможные реалии, подробности эпохи не могут заслонить главное — человека в его взаимодействии с историей. И это не установочное требование критики. Это нравственный императив. Отвечает ли ему сегодняшний уровень осмысления проблемы «человек и история» в журнальной прозе?

Перед нами последняя работа известнейшего прозаика Д. Гранина «Зубр». Уезжать или оставаться? Америка или Россия? — такие вопросы решает Н. Тимофеев из этой повести. Какими будут ответы, как прокомментирует их автор? Людям, не читавшим «Зубра», сами эти вопросы могут показаться по меньшей мере странными.

В повести речь о реальном ученом — видном биологе и генетике. В 20-е годы страна посылает Н. Тимофеева в Германию, где он возглавил лабораторию в одном из научных центров. И вплоть до 1945 года работает в Германии. Выбор: «Восток или Запад?» — встает перед ним, когда к Берлину подошли советские войска. Ученый остался на Западе, передав институт советским военным властям. Таков его ответ на вопросы, поставленные историей. Каков же авторский анализ ситуации? Гранин предельно краток: «Как виделась Зубру эта проблема для себя и для других? Не знаю».

Конечно, автор волен сослаться на то, что воссоздает реальную судьбу — не он об-

думывал поступки героя, а сам герой. Но художественное произведение не только увлекательное повествование о событиях (Д. Гранин — рассказчик блестящий), но и осмысление их.

От осмысления поступков Зубра писатель отказывается почти демонстративно. Вот как сообщает он о решении ученого остаться в Германии в конце 30-х годов, перед началом войны: «Бросить их (исследования. — А. К.) на полпути, не получив результата, он не мог. О последствиях он не думал...» И снова, настойчивее: «Наверняка не задумывался о последствиях... Не вернулся — и точка, и забыл...» Эта фраза поражает. Трудно понять нежелание автора раскрыть суть научной деятельности Зубра в годы войны. Трудно воспринять гордую самодостаточность науки — служение эксперименту важнее любви к Отечеству. Можно было бы спорить с той или иной концепцией. Но произведение Гранина, где ответственные решения, определяющие судьбу человека, объясняются с помощью формулировок, подобных приведенной выше, вообще не выдвигает какой-либо концепции.

Порою в потоке событий, лишенных мотивировки, мелькает концепция-пунктир. Гранин пишет: «Под мощным прессом пропаганды человек практически не мог устоять, его сминало, «божья глина» расплющивалась, принимала всеобщую форму. Свободы выбора не было». Так. Человек — «божья глина», расплющивающаяся под давлением обстоятельств. Это концептуальная основа? Но ведь в реальной жизни были же тысячи активных участников Сопротивления, сознательно сделавших выбор, нашедших в себе силу противостоять напору обстоятельств, ту силу, которая одухотворяет человека и отличает его от «глины», исходного материала творения.

Что призвано восполнить отсутствие в повести психологического анализа, мотивировок, концепции? Чем заполнены ее страницы? Изобретательно поданным бытом, причудливой жизнью международной научной элиты. Диалоги. Сценки. Масса анекдотов — о великих ученых, о предках...

Но человеческая судьба не складывается из анекдотов, как из кубиков. Герой повести Зубр безнадежно статичен. Удивительно, писатель изображает современника и участника революций, войн, великих научных открытий, а образ его остается неизменным, в нем отсутствует развитие. Гранин склонен усматривать в этом особенность героя: «Последние годы он оставался неизменным». Ну что же, последние годы — но не всю жизнь! Нет, утверждает автор, — всю жизнь: «В сущности он не менялся». А в любительском стихотворении, которое приводит Гранин, звучит мысль о том, как изменился ученый за несколько лет со времени приезда в Германию.

Почему же известному писателю в объемном произведении не удалось показать то,

что подметил непрофессиональный стихотворец в нескольких строчках, — развитие характера? Думаю, потому, что герой в изображении Гранина изолирован от истории. В повести не улавливается взаимодействие человека и реальной истории, а ведь этот процесс и есть подлинная судьба человека. Нет, история не сминает «божью глину», человек не только приспосабливается к ней, современному ему бытию, он и творит его. И тем самым строит самого себя. Живет в истории и развивается с ней.

О необходимости осмысления взаимосвязи человека и истории задумываешься и читая последний, незаконченный роман Ю. Трифонова «Исчезновение». На его страницах оживает быт большой семьи, которая собирается по вечерам под оранжевым абажуром вместе с многочисленными родственниками. Перед читателем быт, на который уже легла железная тень начинающихся репрессий.

Темы, ситуации, герои знакомы по прежним произведениям Ю. Трифонова. Но что мешает принять эту типичную для Трифонова элегию в прозе, рожденную грустной наблюдательностью и пропитанную горечью воспоминаний. И, разумеется, дело не в недостатке мастерства. Но в чем же? И вдруг осознаешь — да ведь в то время, когда юный Горик, герой романа, грустит об утраченном счастье под оранжевым семейным абажуром, идет война. Осень 1942 года — в разгаре сражение под Сталинградом...

Есть сцена — без колебаний назову ее верхом мастерства: на рассветной московской улочке драка — на Горика, возвращающегося с ночной смены, нападает шпана. И вдруг: «В последний час! — гремит радио. — Успешное... наступление... наших войск... в районе Сталинграда!» Дерущиеся замирают — хотя и еще сплетены в борьбе. И лишь выслушав сводку до конца, не столько осознав, сколько каким-то чутьем уловив значение услышанного, поднимаются с земли и расходятся.

Пожалуй, это единственный в романе момент прозрения героя. За неурядицами военного быта, коммунальными склоками, печальми бабушки и тети Дины он на мгновение увидит главное — единство народа, отстаивающего свою землю и право на жизнь. Но потрясшее его ощущение разлагается самоанализом: «Никогда раньше... не испытывал этого странного ощущения: он счастлив, напряженно, бесконечно и истинно счастлив, но это его чувство существует как бы отдельно, как бы вне его и помимо... оно не имеет никакого отношения к человеку в разорванном пальто, который идет, пошатываясь, и выплевывает изо рта кровь».

Поразительные строки, обнажающие страшную работу отторжения, совершающуюся в душе юного героя. Он не отказывается от пережитого восторга, но начинает созна-

вать, что «его чувство» существует как бы «помимо» него. (Действительно, оно все народно и тем драгоценно, ибо дает каждому ощутить причастность к судьбе народа). И дальше — жест отторжения, парадоксальный для большинства людей, но глубоко мотивированный психологией героя: «Оно, чувство, не имеет никакого отношения (разрядка моя. — А. К.) к человеку в разорванном пальто».

Читатель волен задаться вопросом: что это за психология? Она формировалась под абажуром в семейной среде. Она рождена убеждением мамы Горика, что «ее семья — лучшая в мире семья, и ее дети своими способностями, воспитанием и заложенным в них нравственным зарядом превосходят любых других детей, знакомых и незнакомых». Сознание мальчика жадно впитывало постоянные разговоры взрослых о судьбах мира и страны, судьбах, в решении которых и они, наркоматские работники, казалось, активно участвовали. Все это питало ощущение избранности. Не случайно, когда Горик не получил первой премии на школьном конкурсе, когда семейной вере в его способности был нанесен удар, он испытал не только острое как боль в желудке, чувство зависти, но и желание «мстить... Вообще всем...»

Потом произошла катастрофа. Арест отца. Жизнь под оранжевым абажуром распалась, и не хватило уже сил даже на желание мстить. Осталась равнодушная отчужденность. Она притупляет восприятие героя, мешает в полной мере оценить и пережить происходящее вокруг. Втянутый в страшную историческую драму, Горик как бы отгорожен от других ее участников стеной собственного горя.

Ситуация, достойная художественного исследования. Но в романе она не осмыслена. Горик даже не подозревает, что он обкраден вдвойне — потерей семьи, которая усугубляется еще и отсутствием не менее важных для человека связей — с теми, кто выстоял под Сталинградом, с теми, кто по всей стране, просветлев вслушивался в сообщения Информбюро о победах, с соотечественниками, людьми единого народа и одной судьбы, в решающий момент глубоко переживавшими свою общность.

К своему герою Ю. Трифонов относится не без проники. Трудно принять неестественную зауженность его кругозора. И что более всего обидно — сам художественный мир произведения жестко лимитирован кругозором Горика. В романе почти полностью отсутствуют — пусть не впрямую — события, которыми в то время жила страна, в нем не отразились чувства, настроения народа, которые в конечном счете и обеспечили стране победу над врагом. А это означает, что и явления, о которых идет речь, исподволь лишаются важных жизненных связей...

Пытаться в завершение разговора о произведении таких крупных писателей, как Ю. Трифонов и Д. Гранин, дать какой-то рецепт было бы по меньшей мере несерьезно. Да и произведения эти не похожи. Помимо прочего, они различаются по уровню и даже по времени написания. И тем очевиднее их общий недостаток — взаимодействие человека и истории в них существенно обеднено...

А. КАЗИНЦЕВ.